

**ЛУЧШИЕ
ВОИНЫ
В ИСТОРИИ**

РОМАН ХРАПАЧЕВСКИЙ

**АРМИЯ
МОНГОЛОВ
ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

ЯУЗА

**МОСКВА
2022**

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мон)4
Х90

Храпачевский, Роман Петрович.

Х90 Армия монголов периода завоевания Древней Руси / Роман Храпачевский. — Москва : Яуза-пресс, 2022. — 288 с. — (Лучшие воины в истории).

ISBN 978-5-9955-1039-0

В XIII в. княжества Древней Руси и государства Восточной и Центральной Европы испытали ошеломляющий натиск военной машины Монгольской империи, буквально сметающей все на своем пути. Грандиозная по своим масштабам кампания 1236–1242 гг. (общие силы монголов составляли астрономические 250–260 тыс. человек) вошла в историю войн как Великий Западный поход. Население завоевываемых областей надеялось отсидеться за стенами городов, но монголы имели не только богатый арсенал технических средств для взятия укреплений — они обладали опытными инженерными и камнемётными артиллерийскими подразделениями. Крайней западной точкой похода хана Батые в Европу стали Польша, Чехия и Венгерское королевство (оно включало в себя Венгрию, Словакию, значительную часть бывшей Югославии), а в 1242 г. армия монголов вышла к «последнему морю» — Адриатике. В 1243 г. Батый принимал в столице Золотой Орды первых русских князей, прибывших с выражением покорности.

На страницах этой книги известный специалист по военной истории Монгольской империи дает широкую картину сил и возможностей, с которыми завоеватели установили политическое господство над русскими княжествами, продолжавшееся с середины XIII по XV в., и значительной частью Восточной Европы. Впервые в исторической литературе исключительно на основе источников Монгольской империи (внутренних документов монгольской державы, ее межгосударственных актов, официальных и неофициальных докладов, свидетельств очевидцев, посещавших Монголию и монгольские ставки) показаны организация, вооружение, тактические приемы и боевое применение армии империи Чингисхана и его первых преемников.

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мон)4

ISBN 978-5-9955-1039-0

© Храпачевский Р.П., 2022
© ООО «Яуза-пресс», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2 ИЗДАНИЮ

Настоящая книга является 2-м, исправленным и значительно дополненным изданием. Ее первый вариант был написан более десяти лет назад — в середине 2010 г. работа над ним была начата, а закончена в начале 2011 г. И в том же году книга была выпущена издательством «Квадрига». В настоящем издании не только исправлены ошибки, допущенные некомпетентной редактурой в предыдущем издании, но и ссылочный аппарат приведен в более лучшую систему (в частности, оформление ссылок соответствует удобной системе, применявшейся в отечественной востоковедной литературе в 40–70-х годах прошлого века). Кроме того, за прошедшее с 2011 г. время автором был сделан целый ряд исследований и переводов источников, которые оказываются полезными для этого нового, дополненного издания. Внесение в текст предлагаемого 2-го издания «Армии монголов периода завоевания Древней Руси» дополнительных, новых переводов источников, а также дополнительных сведений источниковедческого и востоковедного характера, расширило как аргументационную часть книги, так и привлекаемый иллюстративный материал источников.

»

ВВЕДЕНИЕ

*И начаша князи про малое «се великое»
молвити...*

«Слово о полку Игореве»

Военное дело всегда было и есть отражение социально-политического состояния общества. Армия монголов XIII в. не исключение. Сам характер монгольского общества того времени — кочевническая имперская конфедерация — определял многие черты военной организации армии Чингисхана и его преемников как типичного войска центральноазиатских кочевников, стоящего в одном ряду с армиями сюнну (хунну), жужаней, тюрков, киданей и даже чжурчжэней¹. Первая и главная черта, объединяющая их всех, была в том, что в отличие от оседлых народов военным делом занимался и был к нему вполне подготовлен каждый член социума кочевников или охотников (как в случае чжурчжэней). В этом их коренное отличие от организации армий развитых оседлых государств, их соседей или объектов их военной экспансии. Несмотря на многие сходные черты, только армия монголов достигла результатов, намного превосходящих то, чего добились другие кочевые империи. В этом заключается тот непреходящий интерес, который проявляют целые поколения исследователей к государству Чингисхана и его преемников. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть только и исключительно военную машину Монгольской империи (до конца 60-х — начала 70-х гг. XIII в.) с минимумом обращений к описанию монгольских социально-экономических реалий, поскольку они давно и неплохо изучены, а потому желающие всегда могут обратиться к необходимой литературе². Для рассмотрения этой машины в действии взят для иллюстрации длительный и грандиозный по масштабам поход монгольской армии Батые в Восточную Европу. Предлагаются также новые подходы в использовании источников — как по подбору основного корпуса источников, так и по методике его применения.

---

¹ Чжурчжэни, создавшие в начале XII в. на территории Северного Китая империю Цзинь (1125–1234 гг.), происходили от тунгусо-маньчжурских народов, издавна живших охотой.

² Обзор такой литературы см.: Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006.

1. ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ МЕТОД

В большинстве работ по Монгольской империи господствуют стремление использовать как можно большее количество источников и предпочтение ранних и современных событиям текстов более поздним. Степень достоверности фрагментов с описаниями реалий и критика всего источника часто отходят на второй план. Обычно ограничиваются сверкой сообщений разных источников, чтобы установить существование описанного в них факта истории¹. Необходимо сформулировать новые подходы к изучению военной истории монголов первой половины XIII в.

Неудовлетворительность выбора корпуса главных источников определяется отсутствием достаточного понимания степени их достоверности. Это связано со слабой критикой источников из-за ее сугубо специального характера, доступного только востоковедам соответствующего профиля. Часто демонстрируется отношение к сложным источникам, состоящим из разновременных и разнородных частей по жанру и по авторству, как к единому целому. Тенденциозность источников не принимается в расчет или, наоборот, неправомерно им приписывается. В этом отношении особенно «везет» таким огромным сводам информации, как «Юань ши» или даже «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, которые были созданы более чем через 100 лет после появления государства Чингисхана.

При анализе свидетельств современников событий часто не проводится грань между сведениями очевидца и записью чужих сообщений, слухов и домыслов. Это можно проиллюстрировать на примере преувеличения монголами численности своей армии во время похода против империи Сун в 1258 г. По приказу каана Мэнгу «войско в 40 000 [человек] было объявлено называющимся “Стотысячная армия”»². Монголы использовали достоверные сведения в своей дезинформа-

---

¹ Не является исключением и предыдущая книга автора «Военная держава Чингисхана» (Храповичский Р.П. Военная держава Чингисхана, М.: АСТ, 2004), задуманная в 2002 г. как своего рода мини-энциклопедия по истории государства Чингисхана и его первых преемников. В этих рамках она требовала привлечения как можно большего числа разнообразных источников. С того времени автором был учтен ряд замечаний, сделаны новые переводы источников и найдены новые сведения в них, а также исправлены и дополнены некоторые выводы и результаты исследования источников, уточнена степень их достоверности.

² Цит. по: Юань ши, Чжунхуа шуцзюй чубань. Пекин, 1997 (кит.), стр. 51.

ции, поэтому даже в слухах современников есть зерно истины¹. Однако принимать их в расчет без критического анализа рискованно.

В настоящей работе предпринята попытка выйти из описанных ловушек и применить иную методику. Во-первых, отбирается основной корпус источников и ранжируется по степени достоверности, содержательности и точности данных. Во-вторых, проводится сверка сообщений источников по конкретному факту/событию между данными этого корпуса источников (второстепенные источники привлекаются в качестве иллюстраций). Все источники условно подразделяются на «внутренние» и «внешние». Именно сверка данных из группы «внешних» источников с данными из «внутренних» является основой для анализа достоверности рассматриваемых сведений. Далее факт или событие осмысливается в контексте исследуемой темы и приводится в общую систему с другими данными.

Дадим определение этого деления на источники «внутренние» и «внешние». К первым относятся те, которые содержат официальную информацию и отражают внутренний документооборот монгольской канцелярии державы Чингисхана, а позже — империи монголов, причем как ее Центрального улуса (позднее империя Юань), так и других улусов (Золотая Орда, ильханат Ирана, государство Чагатаидов), сохранивших в своих архивах многие документы времен Чингисхана и его преемников². Вторые же представляют собой отчеты иностранных

---

¹ Часто используемое в литературе сообщение монаха Юлиана (1237 г.): «Говорят, что в войске вместе с ними пребывают двести сорок тысяч рабов-неединоверцев, а также сто тридцать пять тысяч отборнейших мужей-единоверцев, стоящих в строю» (цит. по: *Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // ИА, том III. М.-Л., 1940, стр. 90*) надо воспринимать критически. Разумеется, армия Батыя не могла достигать таких цифр. Если Юлиану эту цифру сообщил «посол» монголов, то это дезинформация, несущая тем не менее и реальные факты: цифра 135 тыс. воинов-монголов почти совпадает с численностью так называемых «монгольских» войск всей империи (а не войск одного Бату), роспись которых была зафиксирована после смерти Чингисхана и сохранена в сочинении Рашид ад-Дина. Подробнее см. далее, в гл. I.

² Эти документы в большинстве своем сохранились, разумеется, не в своем натуральном виде, а как их списки (цитирования), созданные для различных нужд и сохраненные в текстах заинтересованных лиц. Механизм такого сохранения объясняется ниже — на примере Юань. Наличие недавно изданного в КНР огромного компендиума «Цюань Юань вэнь (Полное собрание литературных текстов Юань)», далее — ЦЮВ, позволяет привлекать юаньские тексты конца XIII — начала XIV в., где сохранены сведения из канцелярии монгольских первых каанов, начиная с Чингисхана и Угэдэя.

дипломатов, разведчиков, путешественников к монголам в первой половине XIII в., которые лично наблюдали Монгольское государство и его армию, а также оставили подробные и достоверные записки об увиденном и услышанном от своих монгольских (и, конечно, немонгольских) информаторов.

Сообщения о монголах, пусть и синхронные событиям, но написанные с чужих слов, т.е. со слов людей, личности которых не конкретизированы, в указанный корпус основных «внешних» источников данной книги не включаются¹. Ведь даже самый добросовестный хронист не был застрахован от дезинформации в сведениях о монгольской армии, как это было показано выше. Только «внутренние» документы Монгольского государства могут быть единственной основой для изучения таких тем, как состав, численность, структура, система призыва и личности командующих и полководцев монгольской армии. Значительно меньше в них сохранилось данных по тактике, разведке и стратегии. Зато из них можно почерпнуть многое о ходе событий, в частности о ходе боевых действий и их результатах. «Внешние» же источники дают очень много достоверной информации об осадном искусстве, вооружении, боевых качествах, коневодстве, тактике, разведке и системе связи монгольской армии.

Значение «внутренних» источников тем более велико, что для начального этапа существования державы Чингисхана они выполняли чисто утилитарные цели, не неся дополнительной идеологической или политической нагрузки. Ведь, согласно канонической версии, Чингисхан в 1204 г. впервые узнал о важности письменности, а уяснив ее значение для управления государством и армией, немедленно приказал начать обучение ею своих сыновей и самых близких к нему соратников². Уже в 1206 г. он поручает приемному сыну своей матери

---

¹ В редком случае современных событиям хрониста, добросовестность которого проверена и не вызывает сомнений, а его сведения персонализированы (т.е. даны точные ссылки на источник информации), возможно привлечение его данных для иллюстраций и т.п. Одним из примеров такого хрониста был Ибн ал-Асир (умер в 1232/33 г.).

² В жизнеописании уйгура Тататунги в составе ЮШ подробно рассказывается о таком решении Чингисхана (там он называется Тай-цзу — по его храмовому имени в династии Юань): «Тататунга, человек из уйгур. По природе был умен и сообразителен, отлично рассуждал и беседовал, глубоко познал отечественную письменность. Найманский Таян-хан ценил его и сделал наставником, поручив ведать золотой печатью и налогами. Тай-цзу пошел походом на запад, и Найманское государство погибло. Тататунга взял за пазуху печать и бежал. Его сразу поймали. Государь стал спрашивать [его] так: “Народ Таян-[хана]

Шиги-Хутуху вести так называемую «синюю тетрадь (*коко-дебтер*)» для росписи повинностей всего подвластного ему кочевого населения и копий судебных решений. «На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: “...Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переименовать твоего определения!” Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведование Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом: “Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй”. И затем повелел: “Пусть записывают в Синюю роспись “Коко Дефтер-Бичик”, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных “гур-ирген”, а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таких подлжит ответственности”»¹.

Созданные таким образом документы предназначались для самых насущных и практических нужд, почему в них отсутствовали как присущая для более развитых обществ бюрократическая тенденциозность (любого характера), так и то, что можно назвать современным поня-

---

весь перешел ко мне, так зачем ты нес с собой печать?” [Тататунга] ответил так: “Подданный [знает свой] долг!..” Государь сказал так: “Верный и почтительный человек!” — и спросил, для чего используется эта печать? [Тататунга] ответил так: “Она используется для подтверждения подлинности [указов хана] по всем делам, когда взимаются налоги и назначаются люди [на должности]”. Государь одобрил это... Государь спросил его так: “Хорошо ли ты знаешь письменность родной страны?”... и приказал после этого [Тататунге] обучить царевичей и князей крови писать на своем языке уйгурскими буквами», цит. по: *Юань ши...* стр. 3048. Есть в ЮШ известия и о других уйгурских учителях при дворе Чингисхана — например, об уйгуре Кара-Икачибере и его сыне как об учителях Чингисидских царевичей рассказывается в их жизнеописаниях в ЮШ (там же, стр. 3046).

¹ Цит. по: *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un piruca tobciyan*. Юань чао би ши (Монгольский обыденный сборник). Т. 1. Введение, перевод, тексты и глоссарии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, стр. 159–160. Далее цитирование «Сокровенного сказания» производится по этому изданию в переводе С.А. Козина.

тием «приписки». Высокую достоверность документам канцелярии Чингисхана и его первых преемников придавали и другие особенности начальной монгольской канцелярии. Дело в том, что некоторые из ее *битикчи* (монг. «писарь, писец») были одновременно и крупными военачальниками, а общее число их было небольшим. Немонголы в этой канцелярии ведали в основном вопросами, связанными с управлением захваченными оседлыми странами. Вопросы же военного характера доверялись либо монголам, либо представителям народов, которые монголы считали близкими себе и которым доверяли (кидани, уйгуры). Поэтому число *битикчи*, ведавших военным делом, было очень невелико, и все они находились под контролем, а создаваемые ими тексты помещались в секретный архив.

Отражением высокой достоверности текстов, вышедших из канцелярии каана, является тот факт, что, кроме опубликованных документов, остальные ее архивы хранились в строго охраняемой части ханской ставки и считались секретными. Причем часть документов запрещалось выдавать даже высшим чиновникам, а допускались к ним только хан и часть его близких¹. Этот порядок существовал от Чингисхана и до его преемников, более того — он продолжался и в улусах Монгольской империи, даже когда они стали независимыми государствами. Среди секретных документов архива были и первые монгольские хроники, а также родословные «золотого рода» Чингисхана, его братьев и даже некоторых жен. Тем не менее со временем по разным поводам из документов, хранившихся в архиве канцелярии каанов, потомки высших сановников времен Чингисхана и Угэдя стали получать выписки и своеобразные «справки», необходимые им для различных нужд — чаще всего в мемориальных целях вроде создания развернутых эпитафий на могилах своих отцов и дедов или стел при храмах их предков (подробнее об этом ниже). Разумеется, делалось это не иначе как по специальному разрешению каана (им-

---

¹ В составе ЦЮВ сохранился текст крупного юаньского чиновника и историографа Юй Цзи (1272–1348 гг.), где говорится: «Совершались при этом официальные записи [деяний] под знаменами дракона и стягами солнца с луной (*т.е. под знаменами монгольского каана. — Р. Х.*), делались собрания [записей об] его [т.е. императора] подвигах и свершениях, которые [хранились] в золотых сундуках в каменных палатах. Меры секретности [по отношению к ним] были чрезвычайно жесткими, посторонним императорскому дому было нельзя ни получить, ни даже увидеть или узнать [их содержание]», цит. по: Юй Цзи. Мэнгу Тоба гун сяньин бэй мин (Мемориальная надпись стелы кладбища предков господина [из рода] монгольских Тоба) // «Полное собрание литературных текстов Юань» т. 27. Нанкин, 2004 (кит.), стр. 405.

ператора Юань) и оформлялось специальным императорским указом, текст которого затем бережно хранился в семьях этих сановников.

К сожалению, из всей секретной части архивов монгольских каанов до нас в полном виде дошел единственный текст на монгольском языке с вариантом истории «золотого рода» — «Сокровенное сказание». Другие варианты истории Чингисхана, собранные в так называемой «Алтан дебтер» («Золотой книге»), целиком не сохранились. Текст «Алтан дебтер» известен только в цитатах и извлечениях (иногда весьма пространных), которые сохранились в других, немонголоязычных источниках. Зато содержания многих выписок и «справок» касательно событий военной истории, связанных с деятельностью многих полководцев (своего рода их «послужных списков») времен Чингисхана, Угэдэя и их преемников, дошли до нас в виде текстов различных памятных стел в их честь, а также разного рода эпитафий. Корпус таких документов, извлечений из «послужных списков» (хранившихся в вышеупомянутых секретных частях архивов), довольно обширен и до сих пор не полностью исследован. Далее будут использоваться некоторые результаты изучения таких документов, сделанные автором настоящей книги за последние годы¹.

До сих пор в литературе основными внешними источниками по армии Чингисхана и его преемников (вплоть до Мэнгу-каана) почти у всех европейских военных историков являются сообщения Плано Карпини, Бенедикта Поляка² и Гильома Рубрука. К ним в разных пропорциях добавляются сведения из «восточных источников» — в меру пристрастий конкретного автора и самого наличия переводов. Причина тому как относительная подробность описаний европейских путешественников, так и возможность оценить их достоверность ввиду лучшего понимания современными историками

---

¹ Наиболее полно их результаты представлены в следующих двух работах: Храпачевский Р.П. Юаньские источники XIII века о походах монголов на Русь и Восточную Европу // «Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной конференции». М., 2019; Храпачевский Р.П. Отражение монгольских первоисточников XIII века в династийной истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу // «Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Татьяны Михайловны Калининой». М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021.

² Он был участником миссии Плано Карпини к монголам. Его собственный рассказ о ней (записан в 1247 г.) см. в *The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. N. Y.: Sheed and Ward, 1955.

мировосприятия средневекового европейца. Данные же восточных путешественников к монголам привлекаются как вспомогательные в той мере, в какой они подтверждают сообщения «основных» европейских источников.

Происходит это потому, что критика восточных источников обычно недоступна для большинства авторов, они зависят как от уровня переводов, так и от самого их наличия (а чаще отсутствия), т.е. от степени доступности опубликованных исследований востоковедов. В результате сообщения европейских миссий к монголам ставятся во главу угла, хотя очевидно, что они представляют собой сильно искаженное изображение, преломленное через призму средневекового мировоззрения. По сравнению с китайскими авторами европейские путешественники не только страдали от неспособности адекватно понимать информаторов, но и были жертвами «культурного шока» при встрече с развитой кочевой цивилизацией, в то время как китайцы взаимодействовали с ней к тому моменту уже как минимум полтора тысячелетия.

Надо отметить, что китайских путешественников в кочевом мире в первую очередь интересовали аспекты его военно-политического и дипломатического взаимодействия с Китаем. Это было вызвано практическими задачами контроля за ситуацией на границах с беспокойными степными соседями. Вот что писал выдающийся историк и крупный чиновник сунского Китая Оуян Сю (1007–1072 гг.) о необходимости постоянного и тщательного контроля за ситуацией за пределами собственно ханьских земель: «Начиная с древности восточные и северные варвары, имевшие сношения со Срединным государством, не обязательно подчинялись ему, а не имевшие сношений не обязательно не являлись ко двору. Хотя в зависимости от расцвета или упадка варваров их иногда и оставляли вне управления, однако нельзя упускать возможностей держать варваров на привязи и случаев проявления к ним милостей и величия» и, далее, как резюме — «если они подчиняются или бунтуют, уходят или приходят, что может принести Срединному государству пользу или вред, это следует знать»¹.

Явно назрела необходимость дать характеристику монгольской армии по сообщениям китайских путешественников и послов-разведчиков, привлекая аналогичные сведения европейских источников только для сравнения. Это тем более оправданно, поскольку записки

---

¹ Цит. по: Оуян Сю. Удай шицзи (Записки по истории Пяти династий) // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984, стр. 11.

китайских путешественников писались с присущими китайской историографической традиции прагматизмом и вниманием к наблюдаемым фактам, при минимуме идеологической нагрузки, что было, так сказать, «вбито в подкорку» тысячелетней конфуцианской традицией воспитания элиты страны¹. Начиная с середины I тысячелетия до н.э. китайцы активно общались с кочевым миром и выработали стройную систему как сбора достоверных сведений об окружающих Срединное государство народах степи, так и принятия военно-политических решений на их основе². Китайские послы (и по совместительству шпионы) очень рано стали появляться у монголов, т.е. задолго до европейцев, которые видели монголов на пике их могущества, в то время как китайцы наблюдали динамику развития государства Чингисхана и его преемников³.

Прежде чем перейти к анализу сведений, отобранных в целях настоящей работы основных источников, следует дать краткий экскурс в историю их создания, а также определить их жанровые и иные особенности. Этот обзор источников проводится по отдельности для внутренних и внешних источников, для того чтобы яснее охарактеризовать степень их достоверности для исследования различных аспектов функционирования монгольской армии первой половины XIII в.

---

¹ В основополагающем конфуцианском трактате «Лунь юй», в разделе «Осуществлять правление» (посвящен проблемам государственного управления и обучения элиты для этих целей) утверждается как один из основных критериев познания жесткое требование Конфуция о необходимости полагаться исключительно на реальные факты и отказа от фантазирования: «...научить ли тебя, как определять знание? Если знаешь что-либо, полагай, что знаешь; а если не знаешь — полагай, что не знаешь. Это и есть знание» (Лунь юй, гл. Вэй чжэн, 17).

² Уже в период Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) была выдвинута концепция «и и чжи чжи» («руками варваров управлять ими»), ставшая основой для многовековой стратегии отношения Китая к окружавшему его кочевому миру. Политика использования одних кочевых народов против других требовала постоянного отслеживания ситуации среди них и должна была покоиться на регулярной и хорошо поставленной разведке, именно это имел в виду Оуян Сю в приведенном выше пассаже.

³ Вот перечень только тех официальных посольств к монголам (и их даты), от которых дошли до нашего времени письменные документы: 1220 г. — посольство Чжао Хуна; 1221/22 г. — посольство Угусунь Чжундуаня; 1233 г. — посольство Цзоу Шэнь-чжи (в его составе и был Пэн Да-я в качестве «чиновника по составлению официальных бумаг»); 1236 г. — второе посольство Цзоу Шэнь-чжи (в его составе был Сюй Тин в качестве секретаря миссии). О существовании еще целого ряда миссий мы знаем по упоминаниям в источниках того времени (см.: Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910).

2. ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

2.1. Внутренние источники

К ним в настоящей работе относятся: в первую очередь монгольское «Сокровенное сказание»¹ (далее — СС); затем «Хуан Юань Шэн-у цинь-чжэн лу (Описание личных походов Священного-воинственного [Чингисхана] августейшей династии Юань)» (в русской литературе обычно упоминается его сокращенное название «Шэн-у цинь-чжэн лу», далее — ШУЦЧЛ); «Да Юань шэн-чжэн гочао дян-чжан (Установления священного правления правящей династии Великая Юань)» (сокращенно «Юань дян-чжан», далее — ЮДЧ); «Таарих-и джахангуша (История Покорителя вселенной)» Ата-Малика Джувейни; «Джами ат-таварих (Сборник летописей)» Рашид ад-Дина (далее — РД); «Юань ши (Официальная история династии Юань)» (далее — ЮШ). Последнюю можно, в определенном смысле, относить также и к монгольской историографии, поскольку значительная часть ЮШ состоит из воспроизведения монгольских (юаньских) документов. Кроме того, привлекаются сведения из юаньских эпитафий, «стел на пути духа (*шэнь-даобэй*)» и прочих видов мемориальных текстов конца XIII — первой трети XIV в., отражающих содержание документов из архивов монгольской канцелярии каанов (в первую очередь «послужных списков» различных соратников Чингисхана, Угэдэя, Гуюка и Мэнгу-каана), сохранных в составе ЦЮВ.

Безусловно, на первом месте по своей значимости находится «Сокровенное сказание», или «Секретная история монголов» (используется и другой вариант перевода — «Тайная история монголов»), — написанное в 1240 г. в жанре богатырского эпоса монгольское историческое повествование. «Сокровенное сказание» дошло до нас в виде транслитерированного китайскими иероглифами монгольского текста под заголовком на китайском языке «Юань-чао би-ши»². Монгольский текст его сопровождался подстрочными (точнее, междустрочными — текст был написан на разлинованном китайском листе с вертикальными строками, перевод каждого монгольского слова написан параллельно мелкими иероглифами) переводами, дающими

---

¹ Это устоявшееся русское название памятника. Его оригинальное монгольское название «Монгол-ун ниуча тобчиан (Тайная история монголов)».

² Букв. «Секретная история династии Юань». Это китайское название для транскрибированного китайскими иероглифами монгольского текста СС и его сокращенного китайского перевода.

китайское значение каждого монгольского слова, а также сокращенными связными переводами каждого абзаца (точнее, подробными их пересказами). Создание такого удивительного литературного памятника относится к последней четверти XIV в., когда в минском Китае была создана «Сы-и гуань» — «Школа для изучения языков варваров четырех стран света». Главным отделением этой школы было монгольское — отношения с Монголией на тот момент для Мин, балансирующей на грани новой войны с монголами, были приоритетными. Преподавателями были этнические монголы, которые вели обучение и готовили необходимые учебные материалы.

Создателем транскрипции и китайских переводов СС в составе «Юань-чао би-ши» был монгол Хо Юань-цзе, получивший китайское образование. Он сумел создать простую и надежную систему транскрипции монгольских звуков определенным набором китайских иероглифов (мнемонических). С ее помощью были созданы как монгольско-китайский словарь «Хуа-и и-юй», так и объемный монгольский текст, транскрибированный иероглифами, служивший в качестве пособия для учебных целей, т.е. собственно «Юань-чао би-ши». До нас также дошли еще 12 пособий подобного рода. Обо всем этом нам известно из документов Минской эпохи. В составе «Мин шилу», точнее, в *шилу*¹ деяний минского императора Хун-у, сохранилось следующее известие: «В 15 году правления Хун-у, в день бин-суй первого месяца (20 января 1382 г.), было повелено составить тематический китайско-инородческий словарь по категориям... предшествующая династия Юань не имела собственной письменности для издания постановлений и опубликования приказов, а просто заимствовала уйгурскую систему письма, чтобы создать монгольские буквы для перевода на монгольский языков Поднебесной. Теперь император повелел чиновникам Ханьлиня — толкователю текстов Хо Юань-цзе и редактору Ма-ша и-хэй перевести монгольские слова на китайский язык. Были собраны слова по астрономии, географии, человеческим отношениям, животному миру, одежде и пище, орудиям и утвари, и вообще ничего не было упущено. Кроме того, взяли “Юань би-ши” как пособие и

¹ Букв. «правдивые записи», их в старом Китае составляли особые чиновники *шигуань* (департамент истории), которые были обязаны ежедневно фиксировать в этих *шилу* события царствования императора на протяжении всей его жизни. По существовавшим законам эти записи нельзя было ни посмотреть, ни изменить. На их основе составлялись официальные истории правивших Китаем династий — такова была традиция, установившаяся после Сыма Цянь и Бань Гу, написавших первые две династийные истории в Китае (из 24 «официальных историй», созданных за всю его историю).

транскрибировали китайскими иероглифами монгольские слова так, чтобы это соответствовало звукам их [т.е. монгольской] речи. Когда работа была выполнена, последовал указ о ее напечатании и выпуске. С этого времени китайские посланцы в монгольские степи были в состоянии понимать положение дел и намерения монголов»¹. К сожалению, оригинального текста СС, т.е. записанного уйгурицей, пока не обнаружено, хотя еще в XVII в. Лубсан Данзан, составляя свое сочинение «Алтан тобчи», пользовался таким его списком.

Несмотря на то, что СС и несет черты богатырского эпоса, к концу повествования оно приобретает все более хроникальный характер. СС имеет довольно сложный составной характер. Исследователями выделяется обычно три крупных блока, написанных как минимум двумя авторами (плюс редакторы окончательной версии СС), которые в итоге были скомпилированы в единое целое как известное нам «Сокровенное сказание»: 1. История рода Чингисхана и его борьбы за власть в степи (она единственная имеет название внутри самого СС — «Родословие Чингисхана»). 2. История его державы после провозглашения кааном и до его смерти (в конце августа 1227 г.), условно называемая «Летопись Чингисхана». 3. Хроника царствования Угэдэя, доведенная до осени 1240 г., условно называемая «Летопись Угэдэя». Первые две части, по мнению большинства исследователей, написаны одним человеком. «Летопись Угэдэя» же была составлена, вероятно, несколькими (не менее чем двумя) людьми — автором записей событий царствования Угэдэя (собственно хронистом) и редактором (или редакторами), которые в итоге скомпилировали весь памятник.

Как выше уже сказано, сложный характер памятника требует дать ему некоторые пояснения насчет жанров, его составляющих. На народные предания, обработанные автором первых двух частей СС, накладывались отредактированные записи мемуаров участников событий и дальнейшие попытки автора писать в манере, близкой к летописной. Поэтому хронология до 1204–1206 гг. в СС изобилует анахронизмами и требует уточнения по другим данным. Существует

---

¹ Цит. по: Панкратов Б.И. Изучение восточных языков в Китае в период династии Мин (1368–1644) // Страны и народы Востока, вып. 29. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998, стр. 113. Печатные экземпляры словаря «Хуа-и и-юй» (7 экз. издания 1389 г.) и 41 лист из минского печатного издания 1380-х гг. «Юань-чао би-ши» были найдены в 1933 г. на старых складах «Нэйгэ даку» на территории императорского дворца. Их лично видел и изучил Б.И. Панкратов в Пекинской библиотеке в 30-х гг. XX в.

диспропорция между сведениями о внутримонгольской политике и о внешней экспансии государства Чингисидов в пользу первой. Есть довольно аргументированная гипотеза о том, что авторство первых двух частей СС принадлежит Шиги-Хутуху — одному из самых выдающихся сподвижников Чингисхана, бывшего приемным сыном матери Чингисхана и первым Великим судьей Монгольского государства. Возможно также, что он участвовал и в процессе объединения и редактирования уже всех трех частей, составивших тот вид СС, что дошел до нас. Но это пока только предположение. Одновременно Шиги-Хутуху был первым монгольским книжником и довольно неудачливым полководцем. В пользу этой гипотезы косвенно указывает непропорционально большое число его упоминаний в первых частях СС, часто с уменьшительными формами-именованиями, а описание его жизни в СС ведется с самого начала (единственный случай в СС помимо самого Чингисхана), при почти полном игнорировании крайне неприятного для него факта поражения от Джелал ад-Дина (самого крупного поражения монголов за весь период правления Чингисхана) и т.п.

Работу по восстановлению монгольского текста СС и его перевод провели всего в нескольких странах. В России ее выполнили С.А. Козин и Б.И. Панкратов. Перевод первого был опубликован в 1941 г. и вызвал ряд замечаний. Он носит литературный характер, в целом хорошо передающий смысл СС, но в ряде моментов неточен. Лингвистически более точным является перевод Б.И. Панкратова (к сожалению, сохранились его переводы только $\frac{2}{3}$ от числа всех параграфов СС). При условии вычленения традиционных эпических элементов и сверки хронологии СС является самым ценным источником по ранней истории монголов и становлению государства Чингисхана. Менее подробны сведения СС по походам монголов, но они могут быть восполнены данными многочисленных внешних источников (из стран, в которые происходило вторжение). Зато крайне ценны сведения СС по организации и функционированию монгольской армии первой половины XIII в., внутреннего характера, поскольку они не были предназначены для чужих глаз, но для информирования и воспитания новых поколений монгольских ханов, что обеспечивает высокую достоверность. Правда, сложность текста, написанного старописьменным монгольским языком, с использованием множества редких терминов, до сих пор оставляет много спорных моментов в точности понимания реалий монгольского общества начала XIII в. Это касается и военного дела в описаниях СС.

Сочинение «Шэн-у цинь-чжэн лу», написанное в 1290-х гг. монголом Чаганом, содержит практически в неизменном виде образчики

монгольской историографии конца XIII в. Во многом это подражание «Сокровенному сказанию»¹, точнее, сочинение на его основе — Чаган в царствование Буянту-хагана, который «восхищался древностями»², делал по заказам последнего переводы. Так, в «Юань ши» в жизнеописании Чагана сообщается, что Чагану от Буянту-хагана «еще последовал указ перевести “Ди-фань”³. Потом [ему] еще было приказано перевести “То-би-чи-янь”⁴. Перевод стал известен как “Шэн-у кай-тянь цзи”, и вместе с “Цзинянь цзуаньяо” (“Существенное из погодных записей”), “Тай-цзун пин Цзинь ши-мо” (“Хроника усмирения Тай-цзунном Цзинь от начала до конца”) и прочими сочинениями [они] все были переданы в *шигуань*⁵»⁶. Если о степени исполнения указа о переводе «Ди-фань», наверное, неизвестно (этот перевод до нас не дошел), то о переводе/пересказе «Тобчиян» в виде сочинения «Шэн-у кай-тянь цзи», которое, возможно, переименовали в «Шэн-у цинь-чжэн лу»⁷, известно точно⁸. Для создания ШУЦЧЛ кроме «Сокровенного сказания» привлекались сведения сборника «Алтан дэбтер», так как СС по внеш-

---

¹ См. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983, стр. 15.

² Он же Жэнь-цзун по храмовому имени, правил в 1312–1320 гг. См. *Юань ши...* стр. 3309.

³ Букв. «законы/установки государя». Название *дифань* представляет жанр китайских наставлений императорам, но тот факт, что данный «Дифань» переводился на китайский язык с монгольского языка, указывает на то, что привычным для китайцев названием был обозначен официальный монгольский документ, а не китайское сочинение. Поэтому это скорее всего транскрипция монгольского слова «дэбтэр» в персидской огласовке «дефтер», т.е. именно то сочинение, которое цитирует Рашид ад-Дин, — «Алтан дефтер». Это название было транскрибировано такими китайскими иероглифами, которые к тому же имели определенный смысл, сходный со смыслом исходного монгольского документа, — ведь «Алтан дэбтер» тоже содержал как назидания монгольским ханам, так и законы, по которым они должны были править.

⁴ Там же. «Тобчиян» по-монгольски «краткая история», ср. с названием СС по-монгольски «Монгол-ун ниуча тобчиян».

⁵ Коллегия историографов (или «департамент историографии»), ведавших записями *шилу* (см. выше сноску 1 на стр. 9) и составлением династийных хроник. Была существенной частью государственного аппарата во всех государствах старого Китая. См. *Юань ши*, стр. 3310.

⁶ *Юань ши...* стр. 3311.

⁷ Чулууны Далай... стр. 15.

⁸ Есть и другая точка зрения (см. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах М.: Наука, 1965, стр. 163–165) — возможно, что ШУЦЧЛ было написано раньше, чем «Шэн-у кай-тянь цзи», примерно в 1294 г. Однако аргументы в пользу этого предположения могут считаться лишь отражением факта бытования более раннего варианта работы Чагана по описанию деяний